

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

CULTURAL HERITAGE AND HISTORICAL MEMORY

DOI 10.15826/izv2.2023.25.2.024
УДК 549(470.54-25)“18” + 549.646.2(470.5) +
+ 379.824:549 Перовский

В. А. Шкерин
Институт истории и археологии
УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ЛЕВ ПЕРОВСКИЙ И «ИЗУМРУД КОКОВИНА»

В 1835 г. ревизор Л. Ф. Ярошевицкий обнаружил в квартире командира Екатеринбургской гранильной фабрики Я. В. Коковина большое количество неучтенных драгоценных и полудрагоценных камней. В их числе находился крупный изумруд, который, по словам ревизора, «едва не превосходил достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря». Камни были запакованы в ящики, опечатаны и отправлены в Санкт-Петербург. При вскрытии ящиков в столице выяснилось, что указанный изумруд бесследно исчез. Поиски драгоценного камня остались без результата.

В изданных в 1961 г. «Очерках по истории камня» академика А. Е. Ферсмана похитителем изумруда был назван вице-президент Департамента уделов и владлец крупной коллекции минералов Л. А. Перовский. Ради обоснования этой версии был искажен текст донесения Л. Ф. Ярошевицкого. Под именем «изумруда Коковина» в собрании Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН хранился другой уральский минерал. Нет уверенности и в том, что автором версии был сам А. Е. Ферсман, потому что академик умер в 1945 г., оставив второй том «Очерков» незавершенным.

Авторитет имени академика А. Е. Ферсмана и популярность его «Очерков» (последний раз были переизданы в 2003 г.) поныне способствуют тиражированию необоснованной версии о виновности Л. А. Перовского в краже «изумруда Коковина». Целью настоящей статьи является обеление имени «ревностного любителя минералогии», как называл Льва Перовского известный германский минералог Густав Розе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история минералогии; коллекционирование минералов; уральские изумруды; изумруд Коковина; Я. В. Коковин; Л. А. Перовский; А. Е. Ферсман; первая половина XIX в.

Ц и т и р о в а н и е: Шкерин В. А. Лев Перовский и «изумруд Коковина» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 68–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.024>

Поступила в редакцию: 07.01.2023

Принята к печати: 06.04.2023

Vladimir A. Shkerin

Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of the RAS

Ekaterinburg, Russia

LEV PEROVSKY AND THE “EMERALD OF KOKOVIN”

In 1835, auditor L. F. Yaroshevitsky discovered many unaccounted precious and semi-precious stones in the apartment of Ya. V. Kokovin, the commander of the Ekaterinburg Lapidary Factory. Among them was a large emerald, which, according to the auditor, “almost surpassed the dignity of the emerald in the crown of Julius Caesar”. The stones were packed in boxes, sealed, and sent to St Petersburg. After the boxes were opened in the capital, it turned out that the specified emerald had disappeared without a trace. The search for the gem remained fruitless.

In the *Essays on the History of Stone* published in 1961 by academic A. E. Fersman, L. A. Perovsky, the vice-president of the Appanage Department and owner of a large collection of minerals was claimed to have stolen the emerald. For the sake of substantiating this version, the text of L. F. Yaroshevitsky’s report was distorted. Under the name of the “Emerald of Kokovin”, another Ural mineral got into the collection of the Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences. There is also no certainty that the author of the version was A. E. Fersman himself, because the academic died in 1945, leaving the second volume of *Essays* unfinished.

The authority of academic A. E. Fersman and the popularity of his *Essays* (last reprinted in 2003) still contribute to the replication of the unfounded version of L. A. Perovsky’s stealing the “Emerald of Kokovin”. The purpose of this article is to justify the name of the “zealous lover of mineralogy”, as the famous German mineralogist prof. Gustav Rose called Lev Perovsky.

Key words: history of mineralogy; mineral collecting; Ural emeralds; Kokovin’s emerald; Ekaterinburg Lapidary Factory; Ya. V. Kokovin; L. A. Perovsky; A. E. Fersman; first half of the 19th century

For citation: Shkerin, V. A. (2023). Lev Perovskii i “izumrud Kokovina” [Lev Perovsky and the “Emerald of Kokovin”]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 68–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.024>

Submitted: 07.01.2023

Accepted: 06.04.2023

Лев Алексеевич Перовский (1792–1856) принадлежал к числу наиболее влиятельных сановников эпохи Николая I, деятельность его была многогранна и заслужила у современников и исследователей самые разнообразные оценки — от восторгов до хулы. В молодости он участвовал в войне 1812–1814 гг. и во время «ста дней» 1815 г. оказался едва ли не единственным раненым во Франции русским офицером [Волконский, с. 339]. Но главное, что дала Л. А. Перовскому воинская служба, — это покровительство начальника Главного штаба князя П. М. Волконского, при котором он состоял во время заграничных походов русской армии. Видимо, не случайно полковник по квартирмейстерской части Перовский сменил мундир и стал действительным статским советником в ноябре 1823 г., через семь месяцев после отставки генерала от инфантерии Волконского с поста начальника Главного штаба.

В 1826 г. князь П. М. Волконский возглавил вновь созданное Министерство императорского двора. Одновременно министр получил еще два портфеля — управляющего Кабинетом его величества и главы Департамента уделов. В том же году Л. А. Перовский стал членом присутствия Департамента и в дальнейшем восходил по служебной лестнице удельного ведомства: в 1828–1840 гг. был вице-президентом Департамента, после упразднения этой должности в 1840 г. служил до 1852 г. первым товарищем министра уделов (будучи в 1841–1852 г. еще и министром внутренних дел), а после кончины Волконского в 1852 г. и вплоть до 1856 г. сам был министром уделов, а также управляющим Кабинетом и Академией художеств [200-летие..., с. 419, 440, 451–455; История Уделов..., с. 65–104].

Сближение двора и уделов, однако, не привело к полному слиянию ведомств: закон оговаривал, что «министерство уделов не входит прямо в состав придворных владений, но составляет часть отдельную» [Красникова, с. 67]. Вице-президент Л. А. Перовский просил о передаче Петергофской гранильной фабрики от Кабинета Департаменту, по поводу чего князь П. М. Волконский подал монарху особый рапорт [Ферсман, Влодавец, с. 11]. Высочайшим повелением от 13 января 1829 г. передача состоялась, за что Департамент уплатил Кабинету 439 тыс. руб. асс. [200-летие..., с. 422; История Уделов..., с. 588]. 5 апреля того же года министр предложил «Кабинету Его Императорского Величества» (очевидно, в лице вице-президента Кабинета Н. И. Селявина, ранее также служившего в Главном штабе. — В. Ш.) предписать начальникам Екатеринбургской гранильной фабрики, Колыванских и Нерчинских заводов, «дабы они удовлетворяли все требования Департамента Уделов относительно добывания цветных камней, штуфов и проч., потребных для Петергофской гранильной фабрики, а для сокращения переписки прямо соотносились бы с Департаментом» [Ферсман, Влодавец, с. 15].

Лев Перовский был известным коллекционером и владел крупными собраниями минералов и предметов старины и искусства. При этом он умел согласовать свои увлечения со служебными обязанностями к обоюдной пользе тех и других. В пору его руководства МВД это министерство отвечало за охрану памятников древности и ведение археологических раскопок, а когда он возглавил Кабинет,

последовало высочайшее повеление «Керченский музей, археологическую в Риме комиссию и все археологические работы считать при Кабинете» [Императорская Археологическая Комиссия..., с. 28–29]. Впрочем, некоторые находки задерживались у коллекционера Перовского на продолжительное время. Так, в феврале 1858 г. Одесское общество истории и духовности просило вернуть «медного бычка, найденного на Кавказе», а известный караимский археолог и собиратель древних рукописей Авраам Фиркович — греческую «книгу на пергаменте» и иные раритеты, представленные «на рассмотрение Его Сиятельства» еще в 1852 г. [РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 41, л. 4]. К тому времени Перовского не было в живых около полутора лет, но, очевидно, ранее Одесское общество не смело обратиться с такой просьбой к своему почетному члену, «любителю и покровителю наук» [РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 9, л. 3].

Подобное же отношение Л. А. Перовский имел и к минералогии. Немецкий минералог Густав Розе, много сделавший для становления этой науки в России, называл его «ревностным любителем минералогии» [Розе, с. 375] и отмечал «редкое желание» открывать для ученых «сокровища своей превосходной коллекции» [Rose, S. 561]. В 1839 г. Розе поддержал предложение российского коллеги А. Б. Кеммерера назвать вновь открытый на Урале минерал перовским [Кац, с. 36–37; Шкерин, с. 222]. Использовал Перовский свой административный вес и для пополнения частной минералогической коллекции. Так, в июне 1834 г. он писал генерал-губернатору Н. С. Сулиме: «Милостивый государь Николай Семенович, зная, как богата Восточная Сибирь произведениями царства ископаемых, и желая пополнить образцами оных минералов кабинет свой, — я обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою об оказании мне в сем случае Вашего содействия доставлением, по временам, таких минералов, которые будут заслуживать внимания» [Дмитриева, с. 88].

Академик А. Е. Ферсман и его многолетний сотрудник Н. И. Влодавец писали: «Лев Алексеевич Перовский глубоко любил камень со всею страстью коллекционера, и не удивительно, что он увидел в фабрике возможность расширить изучение и использование русских камней. Его почти тридцатилетней деятельности не только Петергофская фабрика, но и вся русская наука обязана тем подъемом внимания к камню, которое характеризует всю первую половину XIX века; благодаря ему русское декоративное искусство получило гибкий и прекрасный природный материал, а русская минералогия обогатилась открытием ценнейших месторождений цветных камней в Прибайкалье и на Урале» [Ферсман, Влодавец, с. 11–12]. В самый день перехода фабрики в уделы, 13 января 1829 г., ее новым директором был назначен боевой офицер Дмитрий Нилович Казин, возглавлявший предприятие до 1848 г. [Русский биографический словарь, с. 384]. В том же 1829 году Ученый комитет по горной и соляной части признал Л. А. Перовского своим членом «во уважение отличных сведений в науках и усердия к благу общему», а также «в полном уверении, что он будет содействовать цели комитета всеми средствами, от него зависящими» [РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 39, л. 2].

Пока же Петергофская фабрика пребывала в плачевном состоянии: в счет погашения убытков был объявлен розыск имущества прежнего директора Ф. И. фон Вистенгаузена, а сам он, имея британское подданство, отбыл за границу. Ничтожны оказались и имевшиеся на фабрике запасы сырья. Те же авторы писали: «В течение 30 лет, под личным влиянием Перовского, не только были приобретены колоссальные запасы камней, которыми пользуется фабрика и поныне (речь о 1920-х гг. — *В. Ш.*), но было сделано значительное количество ценнейших минералогических открытий...» [Ферсман, Влодавец, с. 15]. Камни везли из Бразилии, Афганистана, Индии, Британии, Бельгии, из Центральной Азии и с Памира, пытались наладить поставки из Китая. Не ограничиваясь услугами комиссионеров, Перовский лично закупал материал для фабрики у иностранных фирм.

В 1829 г. Д. Н. Казин предложил исправляющему должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики Я. В. Коковину вступить «по предмету закупки камня в коммерческую совершенно в частном виде спекуляцию», обещая «всем известные в коммерции проценты за комиссию» и ссылаясь на начальство: «Извещаю Вас, что предложение сие делается мною с ведома вице-президента Департамента уделов Его Превосходительства Льва Алексеевича Перовского, признавшего сей способ приобретения камня самым верным и поспешнейшим средством к снабжению оными фабрики...» [Ферсман, Влодавец, с. 15]. Коковин отвечал: «...пока служу, никаких сторонних выгод желать и искать не могу, да и самая заботливость службы того не позволяет, а чтобы быть полезным вверенной управлению Вашему Петергофской шлифовальной фабрике с совершенным удовольствием готов служить Вам для выгоды казны без всяких коммерческих видов...» [Результаты деятельности..., с. 11]. По мнению А. Е. Ферсмана, ответ звучал «хотя и отрицательно, но довольно уклончиво» и даже «неискренно» [Там же, с. 10; Ферсман, Влодавец, с. 17]. Иные авторы сочли странным сам комментарий Ферсмана и настаивали, что Коковин на сомнительное предложение «ответил как человек щепетильно-честный» [Авдонин, Поленов, с. 227; Шакинко, с. 275–276].

Склоняясь ко второму мнению, учтем, что этот эпистолярный диалог происходил за два года до открытия уральских изумрудов и менее чем за шесть — до ареста Якова Коковина. Цитируется же он обычно в контексте изумрудной истории для доказательства невиновности Коковина и, напротив, бесчестности Перовского. Роль Д. Н. Казина при этом интереса не вызывает, ее упоминание может вовсе отсутствовать: «Коковин в своем письме на имя высокого столичного вельможи, вице-президента императорского департамента уделов графа Л. А. Перовского...» и т. д. [Акимов, с. 76–77].

«Первое открытие изумрудов в 1831 году 23-го генваря месяца лично мною (исправляющим должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода и главным мастером работ по оным производящихся Коковинным) сделанное. Повод к тому следующий: крестьяне Белоярской волости, отыскивая смолистые сосновые пни, самосушник и валежник

для извлечения смолы, один из них нашел между корнями вывороченного ветром дерева несколько не больших кристаллов и обломков зеленого камня...» [Открытие изумрудов..., с. 7]. Крестьяне отвезли камни в Екатеринбург, где продали «за самую малую цену» как «худые аквамарины». Но тонкий знаток камня Коковин определил, что «доставленный... кусочек есть изумруд» и с девятью (для начала) рабочими отправился бить шурфы в январском лесу: «Снег и холод не могут препятствовать усердному розыску» [Там же, с. 8].

Этим донесением обер-гиттенфервалтер Яков Васильевич Коковин (Каковин, 1787–1840) заявил притязания на лавры единственного первооткрывателя уральских изумрудов. Находка смолокуров в его изложении — лишь «повод» к истинному открытию. Неназванное имя крестьянина столичные власти узнали от Белоярского волостного правления: Максим Степанович Кожевников [Семёнов, с. 9–11]. В феврале 1831 г. Л. А. Перовский потребовал «заложить разведку изумрудов в пользу Департамента Уделов», но Я. В. Коковин отвечал, что для этого «нужно ему особое предписание своего (т. е. кабинетского. — В. III.) начальства» [Ферсман, Влодавец, с. 15–16]. Пришлось обращаться к министру за подтверждением договоренности 1829 г. В том же феврале к исправлению должности начальника Екатеринбургских горных заводов приступил обер-бергмейстер Г. Г. Вансович [Корепанов, с. 161]. В многосложной административной иерархии того времени он одновременно становился исправляющим должность начальника Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода, а исправляющий должность командира этих предприятий Коковин попадал к нему в подчинение [Месяцеслов..., 1831, с. 56, 562]. В апреле у Коковина случился конфликт с берг-гешвореном А. Н. Чайковским, делавшим геогностическое описание изумрудных копей по поручению Вансовича. Чайковский потребовал от Коковина вести работы согласно горным правилам, а тот в ответ обвинил горного офицера в незаконной добыче изумрудов [Семёнов, с. 13].

Так уже в 1831 г. изумруды стали для Коковина камнем преткновения и соблазном, портившим его отношения со столичным начальством и с уральскими горными властями. Статья в «Горном журнале» 1832 г. выдвинула контрверсию коковинскому донесению: «В 1830 году крестьянин Белоярской волости Максим Кожевников открыл случайно изумруд в 85 верстах от Екатеринбурга, в округе Березовской лесной дистанции, на площади несколько возвышенной над окрестными болотами; по правую сторону речки Токовой, впадающей в Большой Ревт» [Об Уральском изумруде, с. 342]. Т. е. открыл не Коковин, а Кожевников, и не в январе 1831 г., а еще в 1830 г. (смолокуры зимой в лесу не работали). Имя Коковина в статье даже не упоминалось. По мнению доктора геолого-минералогических наук В. В. Филатова, «заметка поставила на место неуменно амбициозного Я. В. Коковина» [Филатов, с. 157]. Для признания находки изумрудом профессиональной аудитории «Горного журнала» недостаточно было мнения камнереза, она доверяла лабораторным исследованиям. В Екатеринбурге «опыты» провел управляющий горной аптекой Г. Ф. Гельм — бывший аптекарь Московского университета и член рьяда

научных обществ [Старков, с. 75]. В Петербурге, в соединенной лаборатории Департамента горных и соляных дел и Горного корпуса уральские находки сравнили с восточным изумрудом, с бериллами из уральских Мурзинских копей и с забайкальского хребта Адун-Челон, но, главное, с ограненным уральским изумрудом весом в 2,759 г, принадлежавшим Льву Перовскому [Об Уральском изумруде, с. 345].

Откуда же взялся этот уральский изумруд, если речь шла о подтверждении самого факта открытия изумрудов на Урале? Еще в 1669 г. рудознатец и металлург Д. А. Тумашев сообщал верхотурскому воеводе Ф. Г. Хрущеву, что близ Мурзинского острога найдены им «два изумруды». В том же году Тумашев отвез «камень» в Москву и представил в Сибирский приказ [Абрамов, с. 185–186; Преображенский, с. 244]. О находке изумрудов на североуральской реке Вагран (приток Сосьвы) писал в 1791 г. и будущий академик, а тогда адъютант минералог, геолог и химик В. М. Севергин [Пыляев, с. 247]. Таким образом, единичные находки изумрудов на Урале случались задолго до открытия 1830–1831 гг. и, очевидно, один из этих камней попал в коллекцию Льва Перовского.

Генерал-лейтенант Н. И. Селявин, получив в 1831 г. от Я. В. Коковина первое описание изумрудных копей, распорядился: «Вложенное описание послать для прочтения Л. А. Перовскому, как любителю и знатоку подобных вещей...» [Семёнов, с. 14]. Будучи занят исполнением высочайших поручений в столице, важнейшим из которых было обустройство Дворцовой площади, генерал, вероятно, не уделял должного внимания делам Екатеринбургской фабрики. Поставки уральских самоцветов падали с лета 1832 г.: аквамарины, топазы и турмалины исчезли вовсе (хотя траты на их поиски продолжались), бериллов за три года прислали три штуки, разработка и добыча изумрудов стали «совершенно ничтожными». После кончины Селявина в 1833 г. новым вице-президентом Кабинета стал князь Н. С. Гагарин. В июне 1835 г. по предписанию Гагарина в Екатеринбург инкогнито прибыл ревизор — статский советник Леонтий Федорович Ярошевицкий. Бывший полковник артиллерии, ветеран войн 1812–1814 гг. (при Бородино ранен, под Лейпцигом отличился), он с 1828 г. служил в Департаменте уделов и то время возглавлял Орловскую контору [Записки..., с. 434–435; Месяцеслов..., 1828, с. 56; Месяцеслов..., 1833, с. 52]. Чиновник той же удельной конторы помогал ему в проведении ревизии [Результаты деятельности..., с. 11]. Но какое бы из придворных ведомств ни командировало ревизора, донесение он адресовал «Вашей Светлости», т. е. князю Волконскому, получившему титул «Светлейшего» в августе 1834 г. [Потомство Рюрика..., с. 435–436].

Донесение Л. Ф. Ярошевицкого — важнейший для этой истории документ. Его нашел в архиве Департамента уделов Д. В. Юферов, до революции камергер и действительный статский советник, а после — научный сотрудник Секции истории науки и техники РАН. Обнародовал документ А. Е. Ферсман: вначале изустно на заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил России в 1921 г., затем в сборнике материалов заседания, изданном под его

же редакцией в 1923 г. (со ссылкой на Юферова). При прочтении и публикации документа Юферовым или Ферсманом были допущены ошибки: Ярошевицкий стал Хрошевицким (и в ряде публикаций остался таковым [Авдонин, Поленов, с. 227; Сонин, с. 272–273]), главный начальник горных заводов хребта Уральского генерал-лейтенант А. И. Дитерихс стал Добрыниным [Результаты деятельности..., с. 10, 11].

Ярошевицкий описал, как, придя в находившуюся в здании фабрики казенную квартиру Коковина, требовал открыть для осмотра кабинет и спальню. «Коковин с крайним ропотом сему воспротивился, сказывая, что камни годные отправлены, что там таких нет», ссылаясь на воскресный день и отсутствие горного начальника, игнорируя предписание Кабинета. Прошло несколько часов и в присутствии полицмейстера двери открыли. Под кроватью, в шкафах, комодах и просто в кучах на полу ревизор увидел «изумрудовые, шерловы, аметистовые, тяжеловесные, коковенитовые и другие породы». Выяснилось, что «описи в конторе не имеется, да и присылаемые с добычи доставляются всегда без описи». Опись была тогда же составлена и подписана Ярошевицким, полицмейстером и Коковиным, после чего камни отнесли в кладовую (где им и надлежало храниться), ключ от которой забрал ревизор. Спустя несколько дней камни рассортировали. В числе «камней изумрудных самых лучших», писал Ярошевицкий, «один самого лучшего достоинства, весьма травяного цвета, весом в фунт, по мнению моему, есть самый драгоценный и едва не превосходящий достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря». Минералы «в трех деревянных окованных ящиках, запечатанных моею и конторскую печатью с общею об них особою за подписанием моим подписью» Ярошевицкий выслал Волконскому «с нарочным мастеровым фабрики Григорием Мартемьяновым Пермикиным на почтовой тройке за счет Кабинета и Департамента Уделов» [Результаты деятельности..., с. 12–13].

Дальнейшая история пропажи изумруда «лучшего достоинства» изложена во втором томе «Очерков по истории камня» А. Е. Ферсмана: «Г. М. Пермикин передал камни директору Департамента уделов Л. А. Перовскому, гофмейстеру, придворному магнату, страстному любителю камня. <...> Как знаток драгоценных камней, Л. А. Перовский был восхищен громадным уральским изумрудом, и кристалл второй раз остановился на своем пути ко двору — остался в коллекции гофмейстера. В дальнейшем замечательная коллекция Л. А. Перовского была приобретена князем Кочубеем — крупным помещиком, любителем и знатоком самоцветов. <...> Среди редких дикивин этого мирового собрания уральский изумруд занимал все же первое место. Коллекция Кочубея была перевезена затем из Петербурга в родовое его имение в Полтавской губернии, в знаменитую Диканьку (в действительности коллекция находилась в усадьбе П. А. Кочубея в Згуровке Прилуцкого уезда Полтавской губернии. — В. III.). Прошло много десятков лет, начались крестьянские восстания, дом Кочубея был сожжен, а коллекция разбросана по саду, отдельные образцы были брошены в пруд (в 1905 г. — В. III.). После долгих поисков почти три четверти камней были найдены, в том

числе и наш изумруд, и приведены в порядок. В дальнейшем коллекция была перевезена сыном Кочубея в Киев, а затем в Вену». Далее Ферсман описывал процесс выкупа коллекции у В. П. Кочубея, растянувшийся на 1910–1914 гг., в котором приняли участие академик В. И. Вернадский и сам автор: «Так был принят в Минералогический музей Академии наук самый большой в мире русский изумруд, весом 2226 гр.» [Ферсман, с. 76, 77].

Петр Аркадьевич Кочубей (1825–1893) приобрел минералогическую коллекцию Л. А. Перовского, скончавшегося в ноябре 1856 г. В своем духовном завещании Перовский указал: «Всю движимость, как то: столовое и чайное серебро, серебряный плато (так. — В. Ш.), золотые табакерки, сервизы фарфоровые, фаянсовые и хрустальные, мебель, мрамор, бронзу, книги, картины, китайский фарфор и другие каменные и бронзовые вещи, экипажи и коллекцию минералов оставляю племяннице моей Марье, дочери брата Бориса Алексеевича, с тем, чтобы, по продаже всего этого, вырученные деньги внести в кредитное учреждение и оставить неприкосновенным до ее совершеннолетия или выхода в замужество» [РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 40, л. 3]. Распродажа коллекций Перовского растянулась на годы (так, резные камни, геммы и инталии были приобретены Эрмитажем лишь в 1873 г. [Дмитриева, с. 89]).

В «Очерках» А. Е. Ферсмана «самый большой в мире русский изумруд» из коллекции Кочубея назван «изумрудом Коковина». Однако известный уральский краевед И. М. Шакинко отметил, казалось бы, очевидное: «...изумруд, из-за которого возникло “дело”, весил один фунт (около 400 г — В. Ш.). А изумруд, о приключениях которого писал А. Е. Ферсман, — 2226 граммов, то есть более пяти фунтов» [Шакинко, с. 295]. За репутацию мэтра вступились сотрудники Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН, в собрании которого хранится так называемый «изумруд Коковина»: «Путаница с изумрудами возникла в связи с тем, что в изданных после смерти А. Е. Ферсмана его “Очерках по истории камня” редакция не заметила ошибки: изумруд из коллекции Кочубея был назван “изумрудом Коковина”, и в литературе появились неточные сведения» [Моисеева, с. 95; Мохова, Моисеева, с. 14]. Академик умер в мае 1945 г., второй том «Очерков» вышел в 1961 г. При этом член-корреспондент А. А. Мамуровский (умерший в том же 1961 году) признавал в «Предисловии редактора», что «рукопись второго тома носила во многом незавершенный характер, так как сам автор не успел доработать многие очерки» [Ферсман, с. 3].

Но кто бы ни был подлинным автором версии об «изумруде Коковина», «путаницу» он допустил не по «ошибке». Приведенная выше цитата из донесения Ярошевицкого в «Очерках» передана так: «в сем числе один самого лучшего достоинства, весьма травяного цвета... по мнению моему, есть самый драгоценный и едва не превосходящий достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря» [Там же, с. 76]. Пропущенные слова («весом в фунт») не оставляли от всей версии камня на камне.

Ферсман (или тот, кто «дорабатывал» его очерки) описал Коковина «скупым рыцарем» минералогии: «В 1834 г. был найден огромный уникальный изумруд,

вес которого составлял более пяти фунтов (два с лишним килограмма). <...> Но не только этот камень понравился Я. И. Каковину (в «Очерках» Коковин ошибочно назван «Ивановичем». — В. III.). Еще много других камней решил он не посылать с “серебряными” караванами в Петербург. Много прекрасных изумрудов накопил он в своей квартире, пряча их, запыленные и грязные, в ящиках под кроватью и за иконами» [Ферсман, с. 75, 76]. Шакинко, напротив, оправдывал Коковина: «...едва ли корыстные намерения заставляли Якова Коковина не торопиться с отправкой изумруда в столицу. Скорее, это была слабость ценителя самоцветного камня...» [Шакинко, с. 281]. Краевед писал, что после пропажи фунтового изумруда Николай I послал Перовского на Урал и тот, прибыв в Екатеринбург в декабре 1835 г., велел «Коковина посадить в тюремный замок». Перовский изображен злым гением, чья «ловкая и сильная рука не разрешала следствию и суду искать изумруд там, где он потерян» и требовала «в чем-нибудь обвинить Якова Коковина» [Там же, с. 286, 290].

«Но никто не спросил Льва Перовского: видел ли он тот изумруд, когда вскрывали ящики в июле 1835 года?», — восклицал И. М. Шакинко [Там же, с. 290]. И это, действительно, ключевой вопрос. Ферсман обвинил Перовского на ложном основании находки «изумруда Коковина» в коллекции Кочубея. Шакинко опроверг это утверждение, не заметив в полемическом задоре, что тем самым лишил версию о хищении изумруда Перовским единственного основания.

Значительно продвинулся в разгадке изумрудных головоломок 1831–1835 гг. уральский геммолог В. Б. Семёнов. Он указал, что «кристалл весом в 11130 каратов (2226 г), получивший с легкой руки А. Е. Ферсмана название “изумруд Коковина”», был найден не в 1834 г. (как считали Ферсман и Шакинко), а в 1831 г., тогда же отправлен в столицу и в позднейшем расследовании не фигурирует. Фунтовый изумруд, найденный летом 1834 г., геммолог предложил назвать «Хитным». Вся известная часть истории этого камня, и правда, состоит из хищений и пропаж: от обнаружения под жердочкой в приисковом отхожем месте до последнего исчезновения где-то между Екатеринбургом и Петербургом. Семёнов подчеркивает, что «судим был Я. В. Коковин не за кражу изумруда, а за многочисленные злоупотребления по службе» и что «вопросы, связанные с изумрудом составляют лишь пятую... долю» дела, разбиравшегося Оренбургским военным судом в 1835–1837 гг. [Семёнов, с. 14–15, 18, 29]. Отрешение Коковина от должности, арест и последующие лишения его «чинов, орденов дворянского достоинства и знака отличия беспорочной службы», а также особняка, строившегося на Главном проспекте Екатеринбурга, — всё это были наказания, адекватные выдвинутым обвинениям в злоупотреблениях служебным положением.

«“Хитный”, так тщательно опечатанный во втором ящике, пропал, — пишет В. Б. Семёнов. — Пропажу обнаружили в С. Петербурге. Остается гадать где, кем, когда было сделано это открытие, кем, где и когда изумруд был украден» [Там же, с. 32]. Следовательно, все лица, имевшие доступ к собранию минералов, изъятых у Коковина и отправленных в Петербург, остаются под подозрением

именно потому, что не найдено оснований для обвинения кого-то одного или группы лиц из их числа. Коковин потерял доступ к минералам при изъятии их Ярошевицким. Ярошевицкий опечатал ящики с камнями в присутствии свидетелей: бухгалтера Пономарева, регистратора Пыкина, унтер-шихтмейстера Русакова и четырех мастеровых. Пермикин доставил ящики по назначению с нетронутыми печатями. Что же касается Льва Перовского, то нет сведений о том, что он хотя бы видел пропавший изумруд. И пока не доказано обратного, репутация «ревностного любителя минералогии», подтвержденная такими авторитетами, как Густав Розе, А. Б. Кеммерер, Д. И. Соколов и другие профессионалы, должна считаться незапятнанной.

Источники

Волконский С. Г. Записки. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991.

Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // Русская старина. 1874. Т. XI. С. 411–450.

Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб. : Имп. Акад. наук, 1828. Ч. 1.

Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1831. СПб. : Имп. Акад. наук, 1831. Ч. 1.

Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. СПб. : Имп. Акад. наук, 1833. Ч. 1.

Об Уральском изумруде // Горный журнал. 1832. Ч. I, кн. 3. С. 342–346.

Открытие изумрудов на Урале. Донесение в Уделы командира Екатеринбургской гранильной фабрики Каковина, 1831 года // Материалы для изучения естественных производительных сил России, издаваемые комиссией при Российской академии наук. № 46: Изумрудные копии на Урале : сб. ст. и материалов / под ред. А. Ферсмана. Петроград : 2-я гос. тип., 1923. С. 7–10.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 39, 40, 41.

Результаты деятельности Каковина по добыче изумрудов (Донесение ревизора Ярошевицкого 1835 года) // Материалы для изучения естественных производительных сил России, издаваемые комиссией при Российской академии наук. № 46: Изумрудные копии на Урале : сб. ст. и материалов / под ред. А. Ферсмана. Петроград : 2-я гос. тип., 1923. С. 10–14.

Розе Г. Описание вновь открытых на Урале минералов // Горный журнал. 1840. Ч. I, кн. 3. С. 359–392.

Rose G. Beschreibung einiger neuen Mineralien des Urals // Annalen der Physik und Chemie. 1839. S. 551–573.

Исследования

200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911.

Абрамов Н. О железных и оружейных заводах в Сибири в XVII и первой половине XVIII столетий // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. 3. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1860. С. 183–194.

Авдонин В. Н., Поленов Ю. А. Очерки об уральских минералах. Екатеринбург : Изд-во УГГГА, 2002.

Акимов А. И. Детектив в изумрудных тонах. Страницы истории Екатеринбургской гранильной фабрики // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2007. № 4 (22). С. 73–77.

Дмитриева Е. Н. Феномен классицизма и античная дактилиотека графа Л. А. Перовского // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб. : НП-Принт, 2013. Вып. 3. С. 86–91.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания / ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009.

История Уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1 / под ред. Бородулина. СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1902.

Кац Е. А. Перспективный перовскит: три персонажа в истории открытия минерала // Энергия: экономика, техника, экология. 2021. № 1. С. 34–46. <http://doi.org/10.7868/S0233361921010055>

Корепанов Н. С. В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003.

Красникова Ю. Н. Расширение компетенции первого товарища министра Департамента уделов в первой половине XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 64–77. <http://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-64-77>

Моисеева М. Л. Петр Аркадьевич Кочубей и его коллекция минералов в собрании Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана // Новые данные о минералах / отв. ред. Е. А. Борисова. М. : Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, 2003. Вып. 38. С. 89–98.

Мохова Н. А., Моисеева М. Л. Коллекция Петра Аркадьевича Кочубея в Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана Российской академии наук. М. : Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, 2016.

Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий / сост. Г. А. Власьев. Т. 1 : Князья Черниговские. Ч. 3. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М. : Наука, 1972.

Пыляев В. М. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., доп. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1888.

Русский биографический словарь / под набл. А. А. Половцова. Т. VIII : Ибак — Ключарев. СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1897.

Семёнов В. Б. История освоения месторождений уральского изумруда // Уральский геологический журнал. 2002. № 2(26). С. 5–264.

Сонин Л. М. Тайны седого Урала. М. : Вече, 2009.

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горно-заводском Урале в XVIII — первой половине XIX вв. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007.

Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. Т. II. М. : Изд-во АН СССР, 1961.

Ферсман А. Е., Влодавец Н. И. Государственная петергофская гранильная фабрика в ее прошлом, настоящем и будущем. Издание Комиссии по изучению производительных сил России при Российской акад. наук. Петроград : Рос. гос. акад. тип., 1922.

Филатов В. В. Смарагд: история открытия изумруда на Урале // Известия Уральского государственного горного университета. 2022. Вып. 2 (62). С. 155–162.

Шакинко И. М. Загадка уральского изумруда: исторические очерки. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.

Шкерин В. А. Александр Кеммерер — человек, назвавший минерал перовскитом // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения : сб. науч. ст.

и материалов памяти Е. Ю. Рукосуева / отв. ред. К. И. Зубков. Екатеринбург : ИИИА УрО РАН, 2021. С. 219–230.

References

Abramov, N. (1860). O zheleznykh i oruzheinykh zavodakh v Sibiri v XVII i pervoi polovine XVIII stoletii [About Iron and Arms Factories in Siberia in the 17th and the First Half of the 18th Centuries]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 30, 183–194.

Akimov, A. I. (2007). Detektiv v izumrudnykh tonakh. Stranitsy istorii Ekaterinburgskoi granil'noi fabriki [A Detective Story in Emerald Tones. Pages of the History of the Ekaterinburg Lapidary Factory]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniia RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*, 4 (22), 73–77.

Avdonin, V. N., & Polenov, Yu. A. (2002). *Ocherki ob ural'skikh mineralakh* [Essays on Ural Minerals]. Ekaterinburg: UGGGA Press.

Borodulin (Ed.). (1902). *Istoriia Udelov za stoletie ikh sushchestvovaniia. 1797–1897* [The History of the Department of Appanages throughout Century of their Existence. 1797–1897] (Vol. 1). St Petersburg: Tip. Glavnogo Upravleniia Udelov.

Dmitrieva, E. N. (2013). Fenomen klassitsizma i antichnaia daktilioteka grafa L. A. Perovskogo [The Phenomenon of Classicism and the Ancient Dactylothece of Count L. A. Perovsky]. In S. V. Mal'tseva, & E. Yu. Stanyukovich-Denisova (Eds.), *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Relevant Issues of the Theory and History of Art] (Vol. 3, pp. 86–91). St Petersburg: NP-Print.

Fedorov, V. S. (Ed.). (1911). *200-letie Kabineta ego imperatorskogo velichestva. 1704–1904. Istoricheskoe issledovanie* [The 200th Anniversary of His Imperial Majesty's Cabinet. 1704–1904. Historical Research]. St Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.

Fersman, A. E. (1961). *Ocherki po istorii kamnia* [Essays on the History of Stone] (Vol. II). Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Press.

Fersman, A. E., & Vlodayets, N. I. (1922). *Gosudarstvennaia petergofskaia granil'naia fabrika v ee proshlom, nastoiashchem i budushchem. Izdanie Komissii po izucheniiu proizvoditel'nykh sil Rossii pri Rossiiskoi akad. nauk* [The State Peterhof Lapidary Factory in its Past, Present, and Future. Publication of the Commission for the Study of the Productive Forces of Russia at the RAS]. Petrograd: Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaiia tipografiia.

Filatov, V. V. (2022). Smaragd: istoriia otkrytiia izumruda na Urale [Smaragd: The History of the Discovery of Emeralds in the Urals]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*, 2 (62), 155–162.

Katz, E. A. (2021). Perspektivnyi perovskit: tri personazha v istorii otkrytiia minerala [Promising Perovskite: Three Characters in the History of the Discovery of the Mineral]. *Energiia: ekonomika, tekhnika, ekologiia*, 1, 34–46. <http://doi.org/10.7868/S0233361921010055>

Korepanov, N. S. (2003). *V provintsial'nom Ekaterinburge (1781–1831 gg.)* [In Provincial Ekaterinburg (1781–1831)]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.

Krasnikova, Yu. N. (2023). Rasshirenie kompetentsii pervogo tovarishcha ministra Departamenta udelov v pervoi polovine XIX veka [Competence Expansion of the Minister's First Comrade of the Appanage Department in the First Half of the 19th Century]. *Vestnik NGU. Seriia: Istoriia, filologiia*, 22(1), 64–77. <http://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-1-64-77>

Moiseeva, M. L. (2003). Petr Arkad'evich Kochubei i ego kolleksiia mineralov v sobranii Mineralogicheskogo muzeia im. A. E. Fersmana [Pyotr Arkadyevich Kochubey and his Collection of Minerals in the Collection of the A. E. Fersman Mineralogical Museum]. In E. A. Borisova (Ed.), *Novye dannye o mineralakh* [New Data about Minerals] (Vol. 38, pp. 89–98). Moscow: Mineralogicheskij muzej im. A. E. Fersmana.

Mokhova, N. A., & Moiseeva, M. L. (2016). *Kolleksiia Petra Arkad'evicha Kochubeia v Mineralogicheskoi muzee im. A. E. Fersmana Rossiiskoi akademii nauk* [Collection of Pyotr Arkadyevich Kochubey at the A. E. Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Mineralogicheskii muzei im. A. E. Fersmana.

Musin, A. E. (Ed.). (2009). *Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): On the 150th Anniversary of its Foundation]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Polovtsov, A. A. (Ed.). (1897). *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. St Petersburg: Tip. Glavnogo Upravleniia Udelov.

Preobrazhensky, A. A. (1972). *Ural i Zapadnaia Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [The Urals and Western Siberia in the Late 16th – Early 18th Century]. Moscow: Nauka.

Pylyayev, V. M. (1888). *Dragotsennnye kamni, ikh svoistva, mestonakhozhdeniia i upotreblenie* [Precious Stones, their Properties, Location, and Use] (3rd ed.). St Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.

Semenov, V. B. (2002). Istoriia osvoeniia mestorozhdenii ural'skogo izumruda [The History of the Development of Deposits of the Ural Emerald]. *Ural'skii geologicheskii zhurnal*, 2 (26), 5–264.

Shakinko, I. M. (1980). *Zagadka ural'skogo izumruda: istoricheskie ocherki* [The Mystery of the Ural Emerald: Historical Essays]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. Press.

Shkerin, V. A. (2021). Aleksandr Kemmerer — chelovek, nazvavshii mineral perovskitom [Alexander Kemmerer — the Man who Named the Mineral Perovskite]. In K. I. Zubkov (Ed.), *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Urala XVIII–XX vv.: problemy i resheniia: sbornik nauchnykh statei i materialov pamiati E. Yu. Rukosueva* [Socio-Economic History of the Urals of the 18th–20th Centuries: Problems and Solutions] (pp. 219–230). Ekaterinburg: Institute of History and Archaeology, UB of the RAS.

Sonin, L. M. (2009). *Tainy sedogo Urala* [Secrets of the Gray Urals]. Moscow: Veche.

Starkov, V. I. (2007). *Istoricheskii opyt razvitiia sistemy zdavookhraneniia na gornozavodskom Urale v XVIII – pervoi polovine XIX vv.* [Historical Experience of the Development of the Healthcare System in the Mining Urals in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.

Vlas'ev, G. A. (Comp.). (1907). *Potomstvo Riurika. Materialy dlia sostavleniia rodoslovii* [The Offspring of Rurik. Materials for the Compilation of Pedigrees] (Vol. 1, pt. 3). St Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.

Шкерин Владимир Анатольевич

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
Email: shkerin_uit@mail.ru

Shkerin, Vladimir Anatolyevich

Dr. Hab. (History), Leading Researcher
Institute of History and Archaeology, Ural
Branch of the RAS
16, S. Kovalevskaya Str., 620108 Ekaterinburg,
Russia
Email: shkerin_uit@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3925-2873>
Scopus AuthorID: 57191591707
WoS ResearcherID: P-9144-2015